

ТАТЬЯНА ЕФРЕМОВА

СВОЯ ЦЕНА

Татьяна Ивановна Ефремова

Своя цена

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Кира – достойная во всех отношениях молодая женщина. Ближайшее планируемое событие в жизни – брак с французом.

И вдруг – она падает с крыши. Причастных нет. Даже среди разнородной компании, собравшейся на пикник на этой крыше.

Самоубийство? Следователи сомневаются, особенно когда всплывают недавние события...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	65
Глава 7	73
Глава 8	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Татьяна Ефремова

Своя цена

Глава 1

Май

Выглядело здание нелепо. С улицы еще ничего – обычная серая коробка, увешанная там-сям по фасаду кондиционерами. На первом этаже возле входа пестрели разноцветные вывески и таблички. Вполне все прилично и привычно, не придерешься.

А вот если обогнуть девятиэтажку справа, да пройти в железные, крашенные в серый цвет ворота, да пробраться осторожно по тропинке между кучами строительного мусора, забытого после ремонта... Вот тут и открывалось измученному путнику, недоумевающему, чего его понесло в эти ворота, неожиданное зрелище. С тыла к зданию было пристроено еще одно. Небольшое, всего на четыре этажа, приземистое, даже словно приплюснутое сверху. Будто куча какого-то нужного барахла, сначала аккуратно сложенная, со временем расползлась по земле, потеряла первоначальную форму и очертания, расхристалась и разлапилась. С улицы этой пристройки видно не было, основное здание прятало его за спиной, будто стесняясь.

Помещения там толком не сдавались. Только пара складов да автосервис на первом этаже. Остальные три этажа глядели пустыми темными окнами. Даже стекла были не во всех. Лестница, ведущая наверх, тоже была пустынной и неухоженной, с кучками оббитой штукатурки и забытыми банками из-под краски. Впрочем, никому эти кучки и банки не мешали, потому что никто по лестнице не ходил. И у складов, и у автосервиса были свои отдельные входы, а наверх подниматься было незачем.

Иногда на крышу пристройки залезали местные подростки. За адреналином, не иначе.

Использованных шприцев, впрочем, не находили. Ни на лестнице, ни на крыше. Поэтому и подростков особо не гоняли. Вреда от них не было, да и неохота никому ввязываться в воспитание чужих великовозрастных деток. Пусть их родители с крыш гоняют.

В пятницу двадцатого мая, часов в шесть вечера к двери пристройки подошла девушка. Шла она неуверенно, озираясь, словно не верила, что именно сюда ей надо.

Сергея Кочетков, вышедший покурить на свежий воздух, сразу понял, что она заблудилась. Очень уж неуверенно шла. Да и вид слишком приличный: прямая серая юбка чуть выше колена, блузка в сине-белую полоску, туфли на каблуках. В руке еще пиджачок несла, юбке в тон.

Смотрелась эта офисная фря на их заднем дворе не просто нелепо, а даже жалко. Сергей, поначалу с интересом смот-

ревший, навернется дамочка на своих каблуках с кучи гра-
вия или все же устоит, потом даже сочувствовать ей начал.
Очень уж несчастной она выглядела на этих своих каблу-
ках. Да и лицо (заметил, когда она обернулась беспомощно)
не было надменным или высокомерным, как бывает у всяких
там секретарш и менеджериц. Нормальное лицо, симпатич-
ное даже. Хотя лет дамочке немало, это он поторопился, ко-
гда девушкой ее определил. Лет тридцать пять, не меньше.
Но это если приглядываться. А на первый взгляд вполне се-
бе девушка.

Сергея про себя решил, что так и будет ее считать девуш-
кой. Ему-то все равно, в общем, а бабам всегда приятно, ко-
гда им возраст убавляют. Пусть и эта порадует, чего там.

– Девушка! Там нет никого, – крикнул Сергей незнакомке,
которая уже тянула на себя дверь в темный нежилой подъезд.
Или не подъезд, а как там называется этот вход на лестницу?

Крикнул, вроде, нормально, не грубо. Даже специально
старался по приветливей, вдобавок к «девушке», чтобы по-
казать свое к ней расположение. Но она посмотрела на него,
словно мазнула взглядом на ходу, и молча в подъезде скры-
лась.

Ну и черт с ней! Никакая она не особенная – такая же
секретутка, как все остальные. Одни каблуки чего стоят.

Сергея сплюнул в траву перед собой и стал курить дальше,
жмурясь на солнце и мечтая, чтобы сильно гордая дамочка
переломала на темной лестнице ноги. Или хотя бы колготки

порвала. Для секретуток порванные колготки – катастрофа похлеще конца света. Дуры все потому что.

Думал он об этом, впрочем, лениво и неторопливо. Мысли будто сами в черепушке ворочались, какие хотели. А он, Серега, будто и не при чем. Он на солнышке совсем размлел, глаза даже прикрыл. Никуда не торопился. Даже рука, вымазанная в масле и толком не оттертая, поднималась с сигаретой медленно-медленно. И затягивался он медленно, вдумчиво. И дым выпускал тонкой струйкой, смотрел из-под полуприкрытых век, как поднимается эта струйка вверх. Сначала отчетливая, заметная. А потом растворяется в нагретом майском воздухе, смешивается с синевой неба. И все медленно-медленно, лениво-лениво. Как во сне.

Когда раздался крик, Серега даже не сразу сообразил, что это уже не сон. Пока сообразил, да пока глаза разлепил, да на крик повернулся. И повернуться не сразу получилось – так разморило его на солнце – голова тоже медленно-медленно ворочалась.

В общем, к тому времени, как он сообразил, да повернулся, да резкость навел, крик уже и прекратился. Он вообще короткий такой был, неуверенный. А потом вдруг удар. Глухой такой.

Серега повернул голову и сразу увидел ту самую дамочку. В той же серой юбке и полосатой блузке. Дамочка лежала лицом вниз на асфальте чуть правее входа. Пиджачок свой к земле рукой прижимала. А вот туфель на ней уже не было.

Босиком лежала, в одних колготках. Из-под головы натекала, увеличиваясь прямо на глазах, темно-красная лужица.

Сергеа замер, не донеся сигарету до рта. Потом сглотнул, протолкнув в горло непонятно откуда взявшийся комок, и стал подниматься, прижимаясь спиной к стене. Все так же неотрывно глядя на неподвижное тело, полез в карман за телефоном, пачкая масляной рукой и без того непрезентабельные рабочие штаны...

* * *

Капитана Захарова раздражало все. И жаркое не по-весеннему солнце, и запах жареного мяса, доносившийся из многочисленных уличных кафе, и расслабленные празднующие люди в летних шортах и сарафанах. И особенно раздражала необходимость дежурить в такой теплый пятничный вечер. Все давно на дачу да на природу уехали, радуясь долгожданному теплу и возможности попить пивка под шашлычок. Один он как проклятый.

Он, да еще дежурный следователь, да медэксперт, да водитель Гоша...

От того, что он не одинок в своем сегодняшнем невезении, Дмитрию Ивановичу Захарову легче не было. Все равно казалось, что самый несчастный здесь он. Гоша привык уже, его и так постоянно из дома дергают в законные выходные. Эксперт вообще какой-то замороженный, никаких эмо-

ций. Ему, небось, вообще все равно: в городе в жару париться или на природе загорать. А следователя Захаров не любил, поэтому даже в глубине души радовался, что именно этому хмырю выпало дежурить в теплый вечер пятницы. Так ему и надо, заслужил.

Кроме их четверых, вляпавшихся в дежурство по графику, был еще Толик.

Толик страдал добровольно, за компанию, и своим благородством раздражал больше всего остального. Умом Захаров понимал, что должен быть Толику благодарен за такую вот самоотверженную дружбу и готовность лишиться себя всех радостей жизни из солидарности. Но никакой благодарности он не испытывал. Мало того, он на Толика еще и злился. Вернее, злился он на себя за то, что не способен испытывать чувства благодарности в этой ситуации, хотя должен бы. И еще за то, что подозревал: окажись он на месте Толика, не хватило бы сил остаться добровольно, чтобы как-то скрасить несчастному товарищу дежурство. У него не хватило бы, а Толик вот смог. Выходит, он гораздо благороднее и вообще, дружить умеет. А он, Захаров, получается, и неблагородный, и друг так себе. Не друг, а барахло. Такие выводы оптимизма тоже не добавляли, и Захаров злился на себя за собственное несовершенство. Но поскольку себя он и так чувствовал несчастным дальше некуда, то злость свою переносил на ни в чем не повинного Толика, который сильно благородный выискался.

Толик же – добрая душа – списывал смурной вид товарища на недовольство именно пятничным дежурством и старался, как мог, это дежурство скрасить.

В результате страдали оба – и Захаров, терзаемый муками совести, и Толик, задолбавшийся уже излучать оптимизм и жизнерадостность.

– Вот не понимаю я людей! В такую погоду – и самоубиваться, – Толик шел впереди всех, вертел головой, размахивал руками, поминутно оборачивался и заглядывал хмурому Захарову в глаза. – Димыч, ну вот объясни мне, как знаток психологии, что толкает людей на самоубийство в такой вот день? Солнышко светит, птички поют, жизнь прекрасна! Чего им надо-то?

– Тоска у них, – пояснил Димыч. – Ты давай под ноги смотри, а то как бы у нас второй труп не нарисовался. Шибко радостный.

Про себя он подумал, что еще немного, и не только понимать самоубийц начнет, но и будет морально готов к ним присоединиться. И так настроение хуже некуда, так еще и клоун этот лезет со своей психологией.

– Все равно не понимаю, – не сдавался Толик. – Как можно о чем-то плохом думать в такой день? Ведь хорошо же!

Он задрал рыжую башку вверх и, зажмурившись, подставил и без того конопатую физиономию солнцу.

– Сейчас поймешь, – злорадно пообещал Димыч. – Сейчас мы побегаем с тобой в поисках понятых. Вечер пятницы, да

еще жара такая – город будто вымер. В офисах, наверняка, никого уже не осталось. А если и остался кто, то фиг мы его уговорим. Все отдыхать торопятся.

Но уже в следующую минуту стало ясно, что самые мрачные Захаровские предположения не оправдались. Народу во внутреннем дворе было более чем достаточно.

Вокруг тела погибшей топталось человек шесть, да у двери автосервиса четверо, да еще дверь одного склада была приоткрыта ровно настолько, чтобы видеть место происшествия, оставаясь при этом в тени и прохладе склада. Захаров решил злорадно, что за понятыми пойдет именно на склад. Пусть послужат отечеству, не все любопытными глазами зыркать из темноты.

– Кто полицию вызвал? – громко поинтересовался он, раздвинув бесцеремонно толпу вокруг тела и обводя всех недобрым взглядом.

От группы куривших у двери сервиса работяг отделился щуплый парнишка лет двадцати и пошел навстречу, преданно глядя на Димыча.

– Владимир Николаевич, вот вам свидетель, – представил он парнишку следователю. – А мы пока за понятыми сходим.

Толик тем временем попытался оттеснить от тела любопытных. Без особого, впрочем, энтузиазма. Сразу было件нятно, что никуда они не уйдут, так и будут топтаться рядом, вздыхать, причитать и сожалеть на тему «такая молодая, и вдруг...». Поэтому Толик быстро выдохся, плюнул

на это дело и оставил посторонних стоять где им хочется. Только для эксперта немного расчистил место.

К тому же оказалось, что никакие это не посторонние, а как раз люди, близко знавшие погибшую.

Тут Захаров схватил Толика сзади за ремень джинсов и потянул прочь от возможных свидетелей.

– Пошли за понятыми, – буркнул он, – свидетелей пусть дежурный следователь опрашивает. А наше дело телячье – подай-принеси.

Толик усмехнулся, но возражать не стал. Про взаимную нелюбовь следователя Девяткина и старшего оперуполномоченного Захарова знали все. Зануда и педант Девяткин не раз подкладывал оперативникам крупную свинью со своим неукоснительным соблюдением уголовно-процессуального кодекса. Так что понять Захарова, не желающего даже пальцем пошевелить сверх своих процессуальных обязанностей, было можно. Тем более, и самому Толику не особенно хотелось разбираться сейчас, кто там есть кто из этих шестерых. Да еще окажется, в конце концов, что никто ничего толком не видел, не слышал и даже предположить не может, что толкнуло пострадавшую на такой чудовищный шаг. Девки будут плакать без остановки, а парни пыхтеть и затравленно озираться.

– Откуда их тут столько взялось? – вяло поинтересовался Захаров, оглядываясь.

– Они шашлыки жарили на крыше. Целая компания.

Сестра этой... самоубийцы, и друзья-приятели.

– Шашлыки? На крыше?

– Ну да. Говорят, там место удобное. Крыша плоская, и с улицы не видно. Вот они там и устроились. Мангал, столик. Один из их компании в этом здании работает, – Толик махнул рукой на офисную девятиэтажку, – вот и обустроил местечко на крыше. Прикинь, как удобно: почти центр города, и нет никого. Даже загорать можно без отрыва от основной работы.

– А потерпевшая, значит, решила испортить им праздник, что ли? Или она случайно эту крышу выбрала, чтобы с нее сигануть?

– Да нет, – слегка растерялся Толик, – она тоже к ним на крышу шла. На шашлыки.

– И что? Передумала по дороге?

Толик пожал плечами. Кто же знает, что там творилось в голове у девицы, решившей покончить с собой в такой день?

Понятых они нашли на удивление быстро. Даже уговаривать никого особо не пришлось.

– Так объясни мне, как получилось, что шла наша потерпевшая на шашлыки, и вдруг решила самоубиться? – снова завел свою песню Захаров, когда они, представив пред ясные следовательские очи понятых, отошли покурить в сторонку.

– Далась тебе эта потерпевшая! Других забот мало, что ли? Сейчас Девяткин протокол настроит, свидетелям

повестки раздаст, и поедет себе тихонько обратно. Все бы вызовы такие были. Даже личность погибшей устанавливать не надо. Все ясно. Свидетель видел и как шла, и как потом упала. Девяткин в понедельник уже это дело закроем. Чего ты докапываешься? Заняться больше нечем?

– Да не докапываюсь я. Просто странно как-то...

– Чего странного? Сам же говоришь – тоска у нее. Вот и сиганула.

– Э, нет! – Димыч картинно покачал указательным пальцем перед лицом собеседника. – Ты не путай. Тут тоска не при чем. Когда у человека тоска, он на шашлыки с друзьями не собирается. Для шашлыков особый настрой нужен.

С этим Толик вынужден был согласиться. Действительно, шашлыки с тоской никак не вязались. Но и отказываться от такой замечательной картины, какую он уже мысленно нарисовал, ему тоже не хотелось. Он задумался на секунду и предложил компромиссный вариант.

– Ну может, это не самоубийство, а несчастный случай. Может, она случайно с крыши свалилась. Голова закружилась от высоты или еще что.

Захаров кивнул, все так же задумчиво глядя перед собой, и вдруг предложил:

– Пошли на месте все посмотрим.

И не дожидаясь согласия, развернулся и бодро зашагал в сторону нужной двери. Толик скорчил страдальческую физиономию и побрел следом.

– Димыч, чего тебе нейдет? – с чувством спрашивал он у Захаровской спины, пробираясь по темной лестнице наверх. – Ты еще хуже Девяткина сейчас. Чего ты вдруг таким занудой стал? На солнце перегрелся?

– Кстати про Девяткина, – сказал не оборачиваясь Димыч. – Если мне это показалось неестественным, то Девяткин точно заметит. И начнет дотошно все выяснять. А значит, на крышу нам с тобой по любому лезть придется.

– Да чего тут неестественного? Ну хорошо, не хочешь самоубийство – пусть будет несчастный случай. Так тебе больше нравится?

Захаров не ответил, что ему нравится больше. Он стоял в коридоре последнего, четвертого, этажа и вертел головой, пытаясь сообразить, как отсюда попадают на крышу.

– Может, привести кого из той компании? – предложил Толик. – Пусть покажут все на месте.

– Сами справимся, – не согласился упрямый Димыч и пошел по коридору, дергая все подряд двери.

Какие-то были закрыты, за другими обнаруживались пустые помещения разной степени готовности. Видно, владелец хотел расширить офисные площади, для этого и пристроил к основному зданию четырехэтажного пасынка. А потом то ли деньги закончились, то ли энтузиазм иссяк, но до конца дело не довели, бросили в состоянии полуготовности.

Методичное дерганье дверей скоро принесло результаты. Вместо недоделанного офиса за одной из них оказался еще

один небольшой коридорчик, почти сразу поворачивающийся направо и упирающийся в лестницу, ведущую наверх. Лестница была невысокой, всего из восьми ступенек, заканчивалась узкой дверью, толкнув которую, опера оказались в квадратной комнате совсем уж непонятного назначения.

– Чего это у них тут такое? – спросил Толик, оглядываясь. – Чердак, что ли?

– Голубятня, – буркнул Димыч, и выглянул в незастекленное окно. – Вот отсюда они на крышу и попадают. Вон даже и стульчик подставили для удобства.

Действительно, у окна стоял старый деревянный стул с отломанной спинкой. Встав на него и перемахнув через подоконник, можно было выйти на крышу – непонятная комната возвышалась над ней, как домик Карлсона.

Вылезли на крышу.

«Голубятня» делила ее две части. С той стороны, куда выходило окно, простиралось открытое пространство размером с небольшой стадион. Совершенно пустое, если не считать нескольких рулонов какого-то кровельного материала, заботливо укрытого полиэтиленом.

Захаров подошел к краю крыши и заглянул за угол «голубятни». Между ее стеной и краем оставалось еще сантиметров сорок. Узкая такая тропинка, метра три длиной.

Захаров прижался спиной к стене и пошел по этому перешейку мелкими приставными шагами. На полдороге он остановился и крикнул, показывая рукой вниз:

– Вот отсюда она и упала, судя по всему.

Толик, тоже уже ступивший на узкую тропинку, посмотрел вниз, на лежавшее прямо под ними тело, и ощутил вдруг непривычное для себя беспокойство. Вообще-то он высоты не боялся, но тут вдруг стало не по себе. Быстро поднял глаза и стал смотреть на плывущие над головой облака, вжавшись в стену «голубятни».

– Ты чего? – удивился, заметив это, Димыч. – Высоты, что ли, боишься?

Сам он уже стоял на другой стороне и смотрел вниз с интересом. Посторонился, пропуская Толика, и сказал довольно:

– Ну вот, не надо никого звать. Сами нашли. Вот где они устроились, оказывается.

С другой стороны был точно такой же по размерам кусок крыши, абсолютно пустой и ровный. В тени, отбрасываемой стеной «голубятни», действительно, стоял мангал, круглый пластиковый столик и четыре пластиковых же кресла. На мангале догорали брошенные шашлыки.

– Мог быть, конечно, и несчастный случай, – согласился Захаров. – Чтобы сюда попасть, надо по этому вот перешейку пройти, иначе никак. Если девчонка высоты боялась, вполне могла запаниковать и оступиться. Или вниз посмотрела, голова закружилась. Вполне могла свалиться нечаянно. Непонятно только, почему ее друзья-приятели не подстраховали, если она боялась?

– Может, она не знала, что высоты боится, вот и не попросила никого подстраховать, – предположил Толик, вспомнив свой неожиданный страх. – Тут вообще какое-то место... дурное. Удивительно, что до сих пор никто не падал.

Вниз они спустились гораздо быстрее, дорога-то уже была знакома. Потом еще раз поднялись, уже со следователем. Тот осмотрел без особого интереса место несостоявшегося пикника, слегка задержался на опасном перешейке, посмотрел вниз, опасно наклонившись.

– Скорее всего, несчастный случай, – согласился Девяткин. – Отсюда вполне можно свалиться, если голова закружилась. К тому же, никаких причин для самоубийства у гражданки Листопад не было. У нее вообще через две недели свадьба. Должна была быть.

– Как ее фамилия? – спросил Захаров.

– Листопад. Листопад Кира Владимировна. Красивая фамилия. Редкая.

– Редкая, – согласился Димыч. – И где-то я эту фамилию слышал. Совсем недавно.

Глава 2

Январь

Гулять утром первого января – сплошное удовольствие.

Часиков в девять самое время. Когда те, кто мужественно встречал Новый год до самого утра, уже утомились, а те, кто сдался часа через два после полуночи, еще не проснулись толком. Улицы в это время пустынные, но по-прежнему праздничные. По инерции. Нельзя же вдруг прекратить праздник, к которому изо всех сил готовились две недели подряд. Это не лампочку на кухне погасить – нажал, и темно. Тут нужно время, чтобы успокоиться и устать от радости. Или чтобы почувствовать разочарование от несбывшихся планов и желаний.

Кира придержала тяжелую подъездную дверь, выпуская Петьку, и обернулась за санками. Санки были тяжелыми и громоздкими, с прочной спинкой и мягким матрасиком на сидении. Отец купил их у кого-то по случаю и очень гордился. Говорил, что санки финские, а потому особенно прочные. Ведь Финляндия страна снежная. И самое главное, всегда была капиталистической, халтурить там не привыкли. Насчет прочности Кира не спорила. Сработаны санки были явно на века. Но на этом их достоинства в Кириных глазах и заканчивались. Был этот продукт капиталистической добросовестности массивным, неповоротливым, а са-

мое главное, ужасно тяжелым. Отцу хорошо о качестве рассуждать – он их не таскает каждый день на улицу и обратно.

Выбравшись с грехом пополам из подъезда, она грохнула санки на землю и смогла наконец оглядеться.

И моментально задохнулась от восторга. И еще от долгожданного умиротворения.

Падающий крупными хлопьями снег неторопливо покрывал темный, затоптанный квадрат двора. Прятал под мягкой периной весь житейский мусор и грязь, сглаживал неровности, делал окружающий мир нереально красивым. Заодно засыпал и следы ночной пиротехнической вакханалии – двор пестрел от картонных трубок использованных фейерверков.

Кира не могла больше радоваться в одиночку и обернулась к Петьке.

– Посмотри, какая красота!

Петька молча смотрел поверх мягкого шарфа черными смородинами глаз. Непонятно было, разделяет он Кирины восторги, или думает о чем-то своем.

Кира вздохнула, усадила податливого Петьку в санки. Просто подкатила их сзади, ткнув краем в голенища валенок, легонько толкнула – и Петька привычно плюхнулся на матрасик. Еще раз проверила, не натирает ли шарф щеки, еще раз порадовалась, что диатезная сыпь стала, как будто, поменьше, еще раз мысленно обматерила доб-

ренькую тетушку во дворе, сунувшую Петьке незаметно конфетку в честь праздника.

Гуляли они в сквере через два квартала.

Кира впряглась в санки и резвой лошадкой поскакала по пустой улице. Чем еще хорошо утро первого января – можно не беспокоиться о том, как выглядишь со стороны. Она и не беспокоилась. Добравшись до сквера, Кира зашла по колено в сугроб и аккуратно, стараясь не потревожить новую снежную перину, легла на спину. Раскинула руки и подставила лицо снежинкам. Как в детстве.

Маленькими они с сестрой любили гулять здесь зимой. Можно было отойти с дорожки чуть в сторону, лечь в сугроб, раскинув руки, и смотреть на падающие снежинки. Когда смотришь вот так, снизу вверх, кажется, что они несутся к земле с бешеной скоростью, с каждой секундой все быстрее. Словно хотят разогнаться как следует и пронзить насквозь и землю, и лежащую на ней маленькую Киру. Превратить ее в маленькое сито, унося с собой в глубину земли крохотные Кирины частички. Потом, весной, из этих частичек вырастут травинки, и в каждой будет она, Кира Листопад. Но каждая травинка будет думать, что именно она и есть настоящая Кира, а все остальные – самозванки и притворищицы. Однажды она рассказала об этом сестре.

– Ерунда какая. Не может снег проткнуть человека насквозь, – моментально отреагировала Динка. – Придумыва-

ешь фигию всякую.

– А если не фигия? – Кира сделала еще одну попытку приоткрыть перед сестрой свой страшноватый, и от этого особенно притягательный, мир. – Если вдруг получится, и снежинки смогут со всей скорости пролететь насквозь?

– Тогда ты умрешь, дура, – заявила Динка авторитетно. Она, хоть и была на пару лет младше, считала себя гораздо умнее сестры.

– Почему умру?

– Потому что тебя продырявят снежинки и ты вся истечешь кровью. А от потери крови ты не сможешь встать и останешься лежать тут, в сугробе. Тебя занесет снегом, а весной ты сгниешь и останутся одни кости...

– А ты разве не поможешь мне встать? – спросила Кира тихо.

– Вот еще! Лежи, раз такая дура.

Кира замолчала и закрыла глаза. Не хотелось больше ничего рассказывать Динке. Хотелось молча лежать и чувствовать замерзшими щеками легкие кошачьи касания снежных хлопьев. И думать лениво о том, что она никогда не умрет. А если даже и умрет, то ведь все равно в каждой травинке останется ее малюсенькая частичка, а значит, умирать совсем не страшно. Страшной была та смерть, которую описала Динка: когда умираешь медленно и неотвратно, когда к страданиям физическим присоединяются еще и нравственные, от осознания одиночества и собствен-

ной ненужности. А Кирина смерть была не страшной. Даже интересно было представлять, как будешь чувствовать себя потом, глядя из одной травинки-Киры на всех остальных, тоже искренне считающих себя Кирой.

Из ностальгической задумчивости ее вывел взметнувшийся вдруг вихрем снег и сразу же – прикосновение к щеке холодного собачьего носа.

Кира открыла глаза, нисколько не сомневаясь, кого увидит перед собой. Рич, их знакомый лабрадор. Также ранняя пташка.

Вообще, они с Петькой знали многих окрестных собак. Кира с ними дружила, а Петька не боялся, воспринимал, как часть пейзажа. Наверно поэтому и собаки к нему особого интереса не проявляли.

Рич радовался изо всех своих собачьих сил, лез целоваться. Кира обхватила его за шею и прижалась лицом к холодной черной шерсти. Шерсть пахла меховым воротником только что с мороза.

– Рич, паразит! Что же ты делаешь! – Людмила, хозяйка, подбежала, но в сугроб ступать боялась, топталась на дорожке рядом с Петькой. Смотрела виновато, но с надеждой, что обойдется, и ругать собаку Кира не будет.

Рич вырвался из объятий и начал нарезать круги, проваливаясь в снег по пузо.

– Людочка, доброе утро! С новым годом! – Кира подня-

лась и побрела к своим, даже не отряхивая снег с лыжных, «прогулочных» штанов.

Они прошлись немного все вместе. Кира тянула за веревку санки и оглядывалась время от времени на бредущего сзади Петьку. Слушала в пол-уха, как Рич испугался вчера фейерверков, забился в ванную и просидел там до утра. И даже на прогулку сегодня не хотел идти поначалу. Пса было жалко, хотя сейчас по нему не было заметно, что он чего-то боится. Носится как угорелый по сугробам, время от времени взлаивая от восторга.

Возле заснеженных качелей расстались. Людмила повела Рича домой, а Кира с Петькой пошли дальше, по главной аллее.

Здесь уже не хотелось валяться в сугробах. Здесь была цивилизация: расчищенные ровные дорожки и скамейки через каждые три метра. Здесь сумасбродства будут неуместны, нужно было идти с прямой спиной и следить за выражением лица.

Кира посадила Петьку в санки. Так было спокойнее. Не придется поминутно на него оглядываться, проверяя, не отстал ли и не обижает ли его кто-нибудь.

Хотя обижать сейчас было некому. Но все равно, пусть сидит в санках – так спокойнее.

Одинокую мужскую фигуру на скамейке она заметила издалека. Поискала глазами собаку – ведь никому кроме собачников в такую рань идти на улицу не надо – но не увидела

и решила, что это просто загулявший прохожий. Может, из гостей возвращается. Правда, странно, что он один. Все-таки новогоднее веселье предполагает компанию.

Кира на всякий случай поспешила пройти мимо. Было в этой одинокой фигуре на скамейке что-то тоскливое, разом перечеркивающее праздничную эйфорию. Даже неудобно стало за свое хорошее настроение.

Она уже почти прошла, старательно не глядя в его сторону.

– Кира!

Он вдруг резко поднялся на ноги, бросился догонять.

Остановилась, боясь поверить. Почти забытым ледяным покалыванием затылка узнала раньше, чем вспомнила голос. Повернулась обреченно, замирая от запрещенного самой себе счастья.

– Здравствуй, Паша...

Он сильно изменился за эти шесть лет. Погрузнел, оплыл лицом.

Кира смотрела на него жадно. Выискивала родные до боли черточки, узнавала, разглядывала сквозь многодневную щетину и одутловатость.

Снова привычно сдавило в груди. Будто кулак сжался между ребрами, не давал вдохнуть. Как будто и не было этих шести лет, за которые она убедила саму себя, что все прошло, все забыто и ничего уже назад не вернется.

Вернулось.

Он пристроился рядом, справа, улыбнулся и пошел вперед. Даже не обернулся, словно был уверен, что Кира никуда не денется, пойдет следом.

Она и пошла. Никуда не делась. Как раньше, как всегда.

Какое-то время шли молча, но молчание не угнетало, наоборот было очень спокойно и хорошо. Как раньше, когда им не нужны были слова, чтобы чувствовать, что они вместе. Ощущение это – «мы вместе» – вернулось неожиданно легко и по-хозяйски заняло ту внутреннюю пустоту, что возникла тогда, шесть лет назад. И Кира поняла, пугаясь и презирая себя за бесхарактерность, что снова счастлива.

Постепенно она разговорилась, словно оттаяла, незаметно рассказала все, что случилось с ней за эти годы. Только про Петьку не говорила, тянула время, ждала, когда сам спросит.

Паша спросил небрежно, показав на санки подбородком:
– Твой?

Кира кивнула молча. Ждала следующего вопроса, суматошно решая, как отвечать.

Он больше ничего не спросил про пятилетнего пацана, молча сидевшего в санках.

Взял Киру за руку и повел за собой по дорожке.

Ладонь у него была мягкая и неожиданно теплая, домашняя. И не скажешь, что зима на дворе, а он без перчаток.

Глава 3

Май

К следователю Девяткину Димыч зашел вообще-то по другому делу. Эксперт попросил занести пару листочков, из-за которых Девяткин ему «уже всю душу вынул». Захаров согласился, помня, что с экспертами ссориться не стоит, но для себя решил, что задерживаться в кабинете у следователя не станет принципиально. Зайдет, отдаст результаты и сразу же уйдет, не дожидаясь нудных Девяткинских нотаций. У него, в конце концов, своих дел полно.

Девяткин в кабинете был не один. На «свидетельском» стуле сидела очень симпатичная длинноволосая девушка в короткой юбке. О наличии юбки Димыч сначала просто догадался. Не могла же она, в самом деле, прийти в милицию в одной только полупрозрачной блузке-тунике. Димыч присмотрелся внимательно, отметив не без удовольствия совершенно невероятную длину ног, и обнаружил-таки узкую полоску темной ткани. Едва прикрывающую верхнюю часть бедра.

Девяткин поднял на него вопросительный взгляд, но Димыч даже не сразу вспомнил, зачем пришел. Стоял столбом и смотрел на необыкновенную свидетельницу с восторгом девятиклассника. Потом уселся за пустой соседний стол, разом забыв о своих решительных планах.

Девяткин покосился на него, но ничего не сказал. Вернулся к прерванному разговору.

– Марина Александровна, расскажите все же поподробнее, какое настроение было у вашей подруги в последние дни? Вы с ней часто виделись?

– Не очень часто, – русалка-Марина медленным, тягучим движением убрала прядь волос за спину и покосилась на капитана Захарова. – Некогда особенно встречаться. Работа, личная жизнь. У Киры еще и ребенок ведь... был. Вернее, ребенок и сейчас есть, это Кира...

Марина испуганно замолчала на полуслове и уставилась на следователя полными слез глазами.

Тот привычным движением, даже со стула не поднимаясь, налил воды из стоящего в углу кулера, поставил стакан перед свидетельницей.

– То есть, виделись вы с подругой редко, правильно я понял? И о ее настроении в последние дни ничего рассказать не можете?

– Почему это не могу? – как будто даже обиделась Марина. – Как раз про последние дни я очень даже в курсе. Она замуж собиралась. Свадьба через две недели должна была быть. Мы с ней об этом много говорили. И настроение у Киры было очень хорошее. Какое же еще может быть настроение перед свадьбой?

Димыч вспомнил свою недавнюю свадьбу и многозначительно хмыкнул. Они-то с будущей женой помирились

как раз накануне. А до этого месяц друг друга видеть не могли.

Свидетельница, как видно, приняла это хмыканье на собственный счет, потому что принялась вдруг с жаром доказывать свою правоту:

– Да Киру прямо не узнать было в последнее время. Она помолодела даже. У нее же это первая свадьба. Раньше все как-то не складывалось.

– Почему? – спросил Девяткин с интересом.

Свидетельница опять споткнулась, словно услышала что-то, совершенно выбивающееся из ее системы жизненных координат. Может, не предполагала встретить в милиции такой заинтересованности в личной жизни погибшей подруги. А может, и сама только что впервые задумалась о причинах ее одиночества.

– Не знаю, – сказала она наконец растерянно. – Вроде и симпатичная, и неглупая. Характер покладистый, со всеми могла общий язык найти. А вот не складывалось как-то с личным счастьем. Как будто порча какая. Знаете, бывает, что на людях венец безбрачия есть.

Как только свидетельница завела песню про порчу и венец безбрачия, Димыч заметно приуныл. Не любил он этих бабских бессмысленных разговоров. Венцы какие-то, порчи, зловещие недоброжелатели, которые спят и видят, как бы оставить несчастную дамочку без заветного штампа в паспорте. Нет бы на себя посмотреть повнимательнее. Может,

и догадались бы в конце концов, что не в порче дело, а в стервозном характере.

Вот и сегодняшняя свидетельница, видно, из таких вот «потусторонних» дамочек. Никто, видите ли, ее замечательную подружку замуж не брал, потому что на той какой-то загадочный венец. Занудой, небось, была подружка. Недаром с родителями жила до тридцати пяти лет. Привыкла, наверно, что о ней кто-то все время заботится и опекает, вот и от мужиков своих ждала того же. А кому же охота на себя сразу заботы взваливать, да еще после первого же свидания с родителями знакомиться? Вот и просидела в девках почти до пенсии.

Димыч как-то разом потерял к свидетельнице-русалке всякий интерес. Тоже, как видно, хищница. Даже в милиции не забывает глазами стрелять по сторонам, оценивает, какой эффект производит своими ногами.

Девяткин в отличие от него оставался невозмутимым. На русалкины прелести не реагировал, разговоры про венец безбрачия и прочая ересь его тоже не раздражали. Переждал поток рассуждений о мистической природе женского одиночества и мягко вернул свидетельницу в нужное русло:

– Марина Александровна, а с женихом вас подруга познакомила?

– Нет. Так он же за границей сейчас.

– Где именно?

– Во Франции. Он же француз вообще-то.

Димыч умилялся уже без остановки. Раз француз, значит сидит безвылазно во Франции. Без вариантов. Прелесть, что за свидетельница попалась Девяткину. Если бы просто сидела молча, цены бы ей не было. Но у следователя в кабинете сидеть молча не принято. Вот и растеряла русалка всю свою загадочность. Оказалась обычной такой, среднестатистической «прелесть какой дурочкой».

– Ну а на свадьбу он не собирался приезжать, что ли?

– Свадьба тоже там должна была быть. Кира к нему должна была уехать.

– Значит, настроение у нее было хорошее, собиралась во Францию переезжать?

Марина кивнула и снова поправила волосы, глянув при этом мельком на Захарова.

Тот отвернулся с показным равнодушием и стал смотреть в окно за спиной следователя Девяткина. И еще немножко на кулер. Понял вдруг, что тоже хочет воды, и чтобы не из-под крана, с запахом хлорки, который никаким отстаиванием не перебивается, а холодненькой, из кулера. Про то, что вода в нем, скорее всего, тоже налита из крана, а родникового в ней – только название, он старался не думать. Надо же хоть во что-то в этой жизни верить.

– Дмитрий Иванович, – спросил вдруг Девяткин, когда свидетельница ушла, бросив на всех прощальный медовый взгляд, – как вы думаете, бывает вообще на свете женская дружба?

– Бывает, наверно, – пожал плечами Димыч.

– А я вот начинаю сомневаться. Вот хоть это дело взять, самоубийство гражданки Листопад. Такие все подружки за-кадычные, а чем дальше, тем больше убеждаюсь, что не любили они покойницу. Ох не любили.

Дверь кабинета с треском распахнулась.

Толик выглянул из-за монитора и увидел сияющего капитана Захарова.

– Чего радостный такой? – спросил он подозрительно. – Начальство премию пообещало? Или грамоту почетную? Или Девяткин рапорт написал на увольнение?

– Я вспомнил, откуда мне знакома фамилия той самоубийцы!

– Которая с крыши свалилась?

– Той самой. Оказывается, Кира Владимировна Листопад последние четыре года работала старшим кассиром в банке.

– В каком? – уточнил Толик, уже догадываясь, какой ответ получит.

– В «Юго-Восточном Объединенном»

Толик помолчал минуту, любясь на взбудораженного Димыча, и уточнил на всякий случай:

– Ограбление инкассаторской машины?

Тот кивнул, непонятно чему радуясь.

Толик вздохнул обреченно. Надежда на тихое закрытие дела по факту гибели Киры Листопад таяла на глазах.

Светлана Василенко отвела телефонную трубку в сторону и, вытянув шею, посмотрела в зеркало.

Зрелище, конечно, не для слабонервных. Два дня почти непрерывных рыданий не прошли даром. Лицо, и без того круглое, совсем заплыло. Вместо глаз щелочки. На щеках лихорадочные пятна. Впору снова разрыдаться, теперь уже от своего кошмарного вида.

– Нет, Марин, не пойду я сегодня никуда, – сказала она в трубку решительно. – У меня такой вид сейчас, что лучше людям не показываться.

– Да кому он нужен, твой вид? – Марина терпеть не могла, когда ей возражали, и потому завелась моментально. – Никто на тебя смотреть не будет, не переживай.

Конечно, кому же придет в голову смотреть на нее, если рядом будет Маринка? А даже если и придет, Маринка быстренько подавит этот бунт на корабле. Все пойдет по раз и навсегда установленному порядку: существует только одна красавица, да и просто девушка, достойная внимания – Марина Волошина. Все остальные – только фон, массовка, свита, призванная оттенять и подчеркивать.

У нее и подруг поэтому немного. Если, конечно, их вообще можно считать подругами.

Света вздохнула и сказала в разрывающуюся от Маринки-

ного негодования трубку:

– Ну если тебе так необходимо встретиться, приходи ко мне. Какая разница, где разговаривать, в кафе или дома?

Она, конечно, знала, что разница для Маринки есть. Одно дело в кафе себя показывать, совмещая разговор с «охотой». И совсем другое – сидеть на кухне в чужих тапочках, отчетливо понимая, что все усилия по наведению внешнего лоска пропали зря. Отчасти именно потому, что знала, как важно для Маринки чужое восхищенное внимание, Света и отказывалась сейчас от встречи на нейтральной территории. На открытый бунт она бы никогда не решилась. А вот в этом маленьком удовольствии – поставить Маринку в заведомо невыгодное положение – отказать себе не могла.

– Приходи ко мне, если это так срочно, – сказала она и быстро положила трубку.

В том, что Маринка придет, она не сомневалась. Успела уже изучить подругу за столько лет.

Маринка впорхнула в прихожую и разом заняла собой все: место, время, мысли. Не было больше во вселенной ничего и никого, только она – Марина Волошина, красавица тридцати двух лет от роду, в очередной раз незамужняя, а значит свободная и решительная. Светлана в который уже раз с досадой поняла, что обо всех своих делах и переживаниях теперь придется забыть на неопределенное время. Придется внимательно слушать, вникать и соглашаться. Можно и не

вникать, конечно, но соглашаться придется точно.

Надо с этим заканчивать. Зачем волочить, как опостылевший мешок, эти неприятные и даже обременительные отношения? Пусть Марина существует теперь где-нибудь отдельно от нее. Сама собой любит себя и сама от себя приходит в восторг. Теперь, когда нет Киры, которая их хоть как-то связывала, дружить дальше им совершенно незачем.

Надо просто собраться с духом и сказать об этом Маринке ясно и четко. Чтобы не звонила больше, не приходила, не мешала жить так, как хочется. Вот прямо сегодня и сказать. Или лучше все же завтра, после похорон?

– Ты чего в темноте сидишь? – спросила Марина, по-хозяйски заглянув в комнату. – Зачем шторы задернула? Темно же. Да и духота у тебя невероятная.

Она сдвинула тяжелые портьеры в сторону и повернулась к Свете, жмурившейся от яркого солнечного света, разом заполнившего небольшую замусоренную комнату.

– Да уж, видок у тебя! Ты не пила эти два дня, случайно? Выглядишь как алкоголичка конченная.

«Сегодня скажу» – решила Света, глядя на гостью с равнодушным интересом. Сейчас, когда она решила порвать эти многолетние выматывающие душу отношения, вдруг оказалось, что Маринку можно слушать без обиды и ярости. Просто наблюдать, как за экзотическим зверьком.

– Нет, не пила. Завтра напьюсь, на поминках.

– А чего тогда опухшая такая? Ревела что ли?

Света молча повернулась и пошла на кухню.

Надо было говорить все сразу, еще у двери, пока Маринка не прошла по-хозяйски в квартиру. Если бы тогда сказала, а не мямлила как обычно, сейчас бы уже была свободна. Пила бы спокойно чай и думала, как теперь быть. А вместо этого придется слушать самодовольную и самоуверенную особу, и без того осложняющую жизнь. Права была Кира тогда. Надо было слушать умного человека, когда еще была возможность все поменять. А теперь поздно. И плакать поздно, и сожалеть. Избавиться от Маринки будет непросто.

«Лучше бы это она с крыши свалилась» – подумала вдруг Света и сама испугалась своих мыслей. Хотя, если разобраться, это был бы самый лучший выход. Для всех. Кроме Маринки, естественно, но о ней переживать как раз хочется меньше всего.

– Ты в полиции была? – спросила Маринка в спину.

– Была.

– Что спрашивали?

Света пожала плечами и стала наливать воду в чайник.

– Не придуривайся. Я тебя, кажется, ясно спросила: чем менты интересовались?

– Ничем особенным. Спрашивали, какое настроение у Кирюшки было в последнее время.

Марина фыркнула. Она терпеть не могла, когда подругу называли этим мальчишечьим именем. Света об этом помнила, и называла так нарочно, особенно при Маринке.

– И что ты им сказала?

– Как есть, так и сказала.

– Что именно?

– Да тебе-то какое дело? – не выдержала Света и, повернувшись, посмотрела на нее в упор. – Что ты привязалась ко мне, хуже следователя.

– Ты совсем дура, Василенко? Не понимаешь, что ли, что они пытаются виноватых в ее смерти найти? И чтобы они от нас всех отвязались, надо говорить, что все было хорошо и замечательно. Замуж собиралась, от счастья прямо пухла. А упала случайно. Понимаешь ты меня? Случай-но.

Света смотрела на стоявшую напротив красавицу и не понимала ровным счетом ничего. Главное, непонятно было, с чего вдруг Волошина так переполошилась? Как вообще кто-то может быть виноват в Кирюшкиной смерти?

– Как вообще кто-то может быть виноват в ее смерти? – спросила она.

Марина села боком к столу (Света машинально отметила, что села на ее любимое место. Специально, чтобы позлить и заставить топтаться нерешительно рядом, как прислугу). Положила одну бесконечную ногу на другую, бережно отвела прядь волос за спину и достала из сумочки сигареты. Чиркнула зажигалкой, даже не спросив разрешения, и замерла, насмешливо глядя на Светку.

«Пепельницу ждет, – догадалась она. – Самой-то дотянуться до подоконника не судьба, хочет, чтобы вокруг нее

все увивались».

Очень не хотелось в очередной раз «увиваться», и Света даже решила было не подавать ей никакую пепельницу, пусть выкручивается сама, не строит из себя барыню. Но уже в следующую секунду догадалась, что Маринка выкручиваться как раз не будет. С нее станется и на скатерть пепел стряхнуть, раз не создали ей нужных условий.

«Сегодня же ей все скажу!» – подумала Света без прежнего, впрочем, энтузиазма, и поставила перед Маринкой пепельницу, хорошенько стукнув ей по столу.

– Так в чем проблема-то? Каким образом кого-то могут обвинить в Кирюшкиной смерти?

– Василенко, ты слышала что-нибудь о такой статье «Доведение до самоубийства»? Это тебе вообще о чем-нибудь говорит?

– Ты с ума сошла, – сказала Света шепотом. На нее вдруг разом накатил безотчетный липкий страх. Не потому, что она про существование такой статьи только что узнала. А потому, что осознала вдруг, что если Волошина до такого додумалась, то уж следователь тем более может. И еще потому, что слишком уж пристально Маринка на нее смотрела. Будто догадывалась о чем-то. Или не догадывалась, а знала наверняка.

– То-то, – сказала Марина удовлетворенно. – Я потому у тебя и спрашиваю, что ты в милиции отвечала.

– Да ничего особенного. Про свадьбу сказала, про Паска-

ля, про то, что в инете познакомились и целый год переписывались. Про то, что в марте приезжал и замуж Кирюшку позвал. Что я еще могла рассказать-то?

– Вот и молодец. Чего ты так разволновалась-то? Все правильно сделала.

Этот Маринкин покровительственный тон, и то, что она разговаривала, как воспитательница младшей группы с умственно-отсталым подопечным, окончательно вывело Свету из себя. Про собственный страх она разом забыла, все перехлестнула яркая, как фотовспышка, злость на самодовольную Марину Волошину.

– Я не волнуюсь, – сказала она с вызовом. – Чего мне волноваться? Если уж кого подозревать начнут, так тебя в первую очередь. Как ты говоришь статья называется? Доведение до самоубийства? Не боишься, что про ту историю кто-нибудь расскажет?

– Уж не ты ли? Что же ты столько лет молчала, если такая смелая?

– Тут не в смелости дело. Мне просто Кирюшку жалко было. Но об этом ведь не только я знала. Не думаешь, что кто-то Кире про тебя, сволочь такую, рассказал? А теперь и следователю расскажет?

– Не боюсь. Не хлопай зря крыльями. Если бы она о той истории узнала, то сначала со мной бы поговорила, а потом уже с крыши стала сигать. Это, кстати, еще неизвестно, сама ли она прыгнула или помог кто. Я-то, в отличие от неко-

торых, в тот момент никуда не отходила. Я у мангала сидела, как паинька. Твой Глеб, кстати, свидетель. А вот тебя, лапа, никто не видел.

Глава 4

Май

День стремительно наливался жарой.

Как яблоко соком, от которого светлый бочок становится совсем прозрачным, вкусным даже на вид.

Такой сорт назывался Белый налив и рос на даче у родителей. Созревшие яблоки нужно было снимать с веток очень осторожно, не надавливая, в корзину укладывать бережно. Если ухватить яблоко покрепче, на полупрозрачной кожице появлялись темные пятна, как синяки.

Мама сама перекладывала их в ящики. Бережно и аккуратно. Руки у нее были маленькие, с очень светлой кожей. Однажды они с мамой ходили в кино на «Легенду о динозавре», и он, чтобы не было страшно, держал ее за руку. А после фильма, когда они вышли из душного зала в такой же как сегодня солнечный майский день, увидел синяки на ее запястьях и тыльной стороне ладони. Такие же, как на яблоках сорта «белый налив», если слишком грубо хватать их пальцами.

Эти яблоки, уложенные в деревянные ящики и пересыпанные опилками, хранились почти всю зиму. Когда их приносили из погреба в дом, по нему моментально распространился одуряющий запах свежих яблок и свежих опилок. Даже через несколько месяцев, перед Новым годом, яблоки

все равно пахли как только что сорванные.

Ни у кого больше в их садовом обществе яблоки не росли. Слишком суровый для них климат. Росли кислые полукультурки и крепкие румяные ранетки. А настоящие яблоки – только у мамы, ей все соседи завидовали. Она над своими двумя яблонями кружила, как птица над гнездом: подкармливала, какие-то подпорки под ветки пристраивала, чтобы не сломались, на зиму соломой обвязывала, чтобы не замерзли.

Яблони вымерзли в ту зиму, когда мама умерла. И солома не спасла. Осенью их мама укутала, перед тем как в больницу первый раз лечь. А когда они с отцом весной на дачу приехали, первыми бросились в глаза два мертвых дерева, обвязанные прошлогодней соломой. Отец тогда их вырубать не стал. Все надеялся, что отойдут. Поливал, удобрял, осенью снова закрыл стволы соломой и обмотал старыми куртками, для верности. Даже ездил потом снегом их закидывать, чтобы теплее было.

В июне, когда весь сад покрылся бело-розовой дымкой цветущих ранеток и слив, отец срубил сухие яблони и сжег их на пустыре за оградой. А через несколько лет и дачу продали. Без мамы там все пошло наперекосяк. Как ни бились они с отцом, сад все больше дичал, превращаясь в непролазную путаницу сорняков и кустов малины, разросшихся по всему участку.

А новая отцовская жена в земле копать не любила.

Володя Девяткин потерял глаза, слезаясь от яркого солнечного света. Не хватало, чтобы кто-нибудь увидел его вот такого, с красными глазами. Подумают еще черт знает что.

Он открыл форточку и подставил лицо потоку воздуха, ринувшемуся снаружи. Даже на оживленной улице воздух все равно чище, чем в закупоренном кабинете. Надо проветривать почаще, что ли?

В дверь коротко постучали и, не дожидаясь разрешения, на пороге возник капитан Захаров.

– Владимир Николаевич, вы дело по самоубийству Листопад закрываете уже?

Девяткин, совсем не ожидавший такого служебного рвения от строптивного капитана, растерянно пожал плечами.

– Рано закрывать, – Захаров крутанул перед собой стул и уселся на него верхом, положив локти на спинку.

Владимир Николаевич, которого по имени-отчеству называли только на работе, сел за стол напротив Захарова и приготовился слушать его доводы. Очень хотелось, конечно, «щелкнуть по носу» зарвавшегося опера, напомнить, кто тут кто. Но отношения у них и так были напряженные, и Девяткин решил не усложнять их еще больше. В конце концов, у Захарова опыта больше, да и оперативник он хороший, это все признают. Да и старше он двадцатисемилетнего Володи. И вообще...

– Почему рано? – спросил он неофициальным, домаш-

ним, тоном. – Какие-то факты стали известны?

Димыч кивнул, отметив про себя, что Девяткин сегодня какой-то странный, сам на себя не похож. Как будто нормальный человек, а не ходячий уголовно-процессуальный кодекс. Это открытие добавило ему уверенности, что разговор сегодняшний он затеял не напрасно.

– Тут такое дело. Погибшая ваша проходила у нас по делу свидетельницей. Хотя вполне на обвиняемую тянула, только прямых улик против нее не было.

– Что за дело?

– А помните ограбление инкассаторской машины в апреле? Вот там наша Кира Владимировна Листопад и засветилась.

– Она что, в ограблении участвовала? – не поверил Девяткин.

– Да нет, конечно. Сама не участвовала – я же говорю, прямых улик там не было. Мы ее только в качестве свидетельницы допрашивали. Хотя служба безопасности банка просто мечтала нам ее подsunуть в качестве соучастницы.

– Были основания?

– С их точки зрения были. И достаточно веские. Эта Листопад ведь старшим кассиром там работала. Была в курсе, какие суммы, когда и откуда в банк привозят. Ведь машину-то ограбили как раз в тот момент, когда они выручку из гипермаркета везли. А выручка там очень неплохая была.

– Ну так любого кассира можно подозревать, – не согла-

сился Девяткин. – Да вообще любого, кто в банке хотя бы месяц проработал. Про то, что из гипермаркета каждый день выручку привозят наверняка все знали. За что же именно на Листопад так вызверились?

– Вот тут-то и начинается самое интересное. К Кире Владимировне на работу несколько раз заходил старый знакомый. Это она так его охарактеризовала. Просто, мол, знакомый, сто лет не виделись. Но одна из кассирш слышала, что разговаривали они совсем не как «просто знакомые».

– А как?

– Если верить той девице, были они любовниками, пусть даже в прошлом. Хотя свидетельница утверждает, что отношения там совсем не бывшие. Каким-то он особым взглядом на Листопад смотрел, и она там чего-то особенное ему отвечала. Прямо мексиканский сериал. Мы когда, эту кассиршу слушали, у нас головы кругом пошли от ее слезливых историй. Очень уж она подробно нам всю эту любовь-морковь расписывала, да еще и с примерами. Чуть не уморила всех. Но про Листопад была уверена, что никакой там не старый знакомый, а вполне себе реальный любовник. Как-то умеет она на глаз определять, спят люди вместе или не спят.

– Дмитрий Иванович, вы зачем мне все это рассказываете? Какая разница, с кем у погибшей были интимные отношения, не пойму никак?

– Сейчас дойдем до главного, – пообещал Димыч, ничуть не смутившись. – Ограбление там было дерзкое. Нападав-

шие – полные отморозки. Двоих инкассаторов они на месте положили, одного ранили. Так вот, этот раненый инкассатор по записи камеры наблюдения банка опознал потом одного из нападавших.

– «Старый знакомый», который любовник? – Володя, сам того не ожидая, включился в игру, начатую Захаровым.

– Точно! Он самый. Некто Павел Радов, тридцати шести лет от роду, ранее не судимый.

– Задержали?

– В том-то и дело, что нет. Как в воду канул гражданин Радов. А вместе с ним и все похищенные деньги, двадцать восемь миллионов.

– Неплохо, – присвистнул Девяткин. – Это же без малого миллион долларов.

– Еще как неплохо, – согласился Димыч. – Нападавших было четверо. Двоих инкассаторы положили, когда отстреливались. Двое ушли. Радов и Терещенко. Труп Терещенко нашли через неделю в лесу недалеко от города, в десяти километрах в восточном направлении. С ножевым. По заключению экспертов именно от ножевого ранения он и умер, огнестрельных у него была парочка, но совсем легких, от этого не умирают. К тому же, огнестрельные ему перевязал кто-то. Или сам изловчился. А вот ножевое оказалось смертельным – повреждение бедренной артерии, кровью истек. А Радов пропал. И деньги тоже.

– Листопад допрашивали?

– Конечно! Говорю же, служба безопасности ее в первую очередь подозревала. Они даже наружку за ней пускали, ждали, что Радов проявится. Только ничего не накопили. От знакомства с ним она не отказывалась. Рассказала, что лет пять или шесть назад работали вместе. Потом она уволилась и Радова с тех пор не видела.

– А как объяснила его визиты накануне ограбления?

– Ну визиты не совсем накануне были, если совсем точно. Недели за две. Сказала, что случайно встретила после Нового года, обмолвилась, где теперь работает. Вот он и зашел, когда рядом оказался. Поболтали пять минут ни о чем, он ушел. Потом еще пару раз заходил, как Листопад говорила, просто так.

Девяткин помолчал немного и спросил осторожно:

– Так вы все-таки думаете, что она причастна к ограблению? Думаете, сливала Радову информацию, а потом совесть ее замучила? Так получается?

– Да не похожа она на соучастницу, откровенно говоря. Если и выболтала что-то Радову, то не специально, без злого умысла. Он ведь мог использовать ее втемную. А вот самоубийство это, спустя всего месяц с небольшим после ограбления, очень мне не нравится.

– Может, ее до сих пор служба безопасности прессовала?

– Все может быть, конечно. Хотя, наружку они сняли еще две недели назад. Не получилось у них через Листопад на грабителей выйти. Мне показалось, что они от нее отста-

ли тогда.

– Ну и как тогда можно связать самоубийство с ограблением?

Димыч почесал переносицу, вздохнул, подпер голову рукой. Вообще изо всех сил тянул время, словно боялся говорить, что не давало ему покоя вот уже полдня.

Наконец решился и сказал осторожно:

– А что если это Радов концы подчищает? Испугался, что рано или поздно девчонка расколется и выдаст его. Или, если она не при чем, догадается, что бывший любовник ее использовал, и тогда тем более сдаст за милую душу. Вдруг она не сама упала, а помог кто-то?

– Радов? Для того чтобы, как вы выражаетесь, «помочь», надо было в нужный момент рядом оказаться. А никакого Павла Радова в тот вечер на крыше не было.

– Значит, был еще кто-то. Кто и на ограблении не засветился, и в курсе всего был. Про кого даже Листопад не знала, что он в курсе. Или все же сам Радов, что маловероятно. Ему тогда пришлось бы уходить незаметно, а это непросто было, учитывая тот переполох, что сразу после самоубийства поднялся. Свидетелей же куча была.

– И не смотря на эту кучу свидетелей, вы думаете, что Киру Листопад столкнул кто-то? Может, все же совесть замутила?

– Вряд ли, – твердо сказал Димыч. – Не похожа эта Листопад на наводчицу, вы уж мне поверьте.

Девяткин поверил. Потому что сам очень не хотел, чтобы Кира Листопад, погибшая в пятницу при совершенно странных обстоятельствах, оказалась соучастницей преступления.

А может потому, что при осмотре места происшествия сразу обратил внимание на правую руку потерпевшей. И эту руку, неловко вывернутую, как будто отдельно лежавшую, не мог забыть уже который день.

На очень светлой коже запястья четко выделялись четыре маленьких круглых синяка.

Как на яблоках сорта «белый налив», если слишком сильно схватить их пальцами.

Глава 5

Май

Сестру хоронили во вторник.

Накануне Дина позвонила мужу в Питер сказать, что задержится.

Собиралась говорить коротко и по делу. А вместо этого разревелась сразу. Хлюпала в трубку, понимая, что не может вытолкнуть из горла ни одного слова, пыталась показать что-то рукой, забыв, что Олег ее не видит.

– Хочешь, я приеду? – спросил он, не дождавшись. – Помогу там чем-нибудь, и вообще...

– Нет-нет, что ты! Не стоит. Ты все равно раньше завтрашнего вечера не доберешься, а похороны в обед. Какой смысл приезжать?

Муж на том конце линии замялся. Природный рационализм боролся в нем с общепринятой моралью.

– Но ведь неудобно получается. Это все-таки твоя сестра. Мы теперь родственники, и будет странно, если я совсем никак не приму участия.

– Милый, но ведь ты ее не знал совсем. Вы даже ни разу не виделись. Какие вы родственники? Так, чисто номинально. Твое присутствие на похоронах ведь ничем не поможет. А вот если ты уедешь на два дня с работы...

– Да, ты права, – согласился он с облегчением. – Работы

на самом деле навалилось. Я тогда не поеду, ты объясни там родителям сама. Я тебе денег на карточку перевел, пригодятся.

– Спасибо, родной! Я постараюсь приехать как можно раньше. Даже в среду, если получится. Не скучай.

Попрощавшись с мужем, Дина пошла в ванную, умылась холодной водой. Очень холодной – специально спустила воду, чтобы стала ледяной. Кожу обожгло, и моментально заломило виски. Зато в голове немного прояснилось.

Она обвела взглядом тесную ванную комнату. Машинально отметила, что ремонт здесь просится уже года три, не меньше. У родителей все руки не доходили. А может, денег нет. Хотя Кира, вроде, зарабатывала неплохо.

Каждый раз приезжая домой, Дина заново привыкала к знакомой с детства обстановке. Несколько дней раздражали залежи поношенных тапок в коридоре и многочисленные стеклянные баночки на подоконнике. Эти банки мать собирала всю жизнь, сколько Дина себя помнила. Сначала это были банки из-под маринованных огурцов, накромсанных большими кусками, с крупными семенами, похожими на семечки, и маленькие баночки из-под майонеза, крышки для которых были страшным дефицитом, поэтому закрывались они куском полиэтилена, обвязанного вокруг баночного горлышка суровой ниткой. Еще большим дефицитом, чем мелкие крышки для майонезных баночек, считались банки с винтовыми металлическими крышками. Над этими банка-

ми мать особенно тряслась. Дине даже казалось в детстве, что мать ежевечерне пересчитывает их, как царь Кощей злато, и наверняка помнит каждую «в лицо». Батареи разнокалиберных банок занимали любое маломальское свободное пространство. Кухонный подоконник, полки фанерного шкафа в коридоре возле их с сестрой комнаты, стеллаж на балконе – везде стояла стеклянная тара, казавшаяся вечной, как мировой океан.

В этих банках, тюках с одеждой, которую никто никогда не выбрасывал, в старых перьевых подушках, которые хранились на непонятный «всякий случай», в бережливости, переходящей в скардность, была, пожалуй, основная причина ее побега из дома. Нет, формально она никуда никогда не сбегала – всегда была хорошей девочкой из приличной семьи, даже подростком особых хлопот родителям не доставляла. Но уехала из дома при первой же возможности, чтобы возвращаться только изредка, при острой необходимости. Как тогда, пять лет назад. Как сейчас, на похороны сестры – единственного по-настоящему родного человека.

Вот только приехала-то она совсем не на похороны, моментально одернула себя Дина Сергеева, в девичестве Дина Листопад. Приехала, чтобы порадоваться за сестру, а получилось вон как.

Как только вспомнила про сестру, глаза моментально налились слезами, защипало в носу. Сразу же вернулся весь ужас последних трех дней. С бесконечными допросами в по-

лиции, непрекращающимися причитаниями матери, отрешенным молчанием отца, Петькиным тихим нытьем. Как-то так получалось, что погоревать по-настоящему, от души, она могла только в одиночестве. Наедине с собой и своими мятущимися мыслями. А общение с семьей только раздражало, как и предстоящие похороны, которые стараниями матери обещали быть невыносимо нудным, и оттого фальшивым, мероприятием.

А Олег еще хотел приехать. Правильно, что она его отговорила. Не хватало только ему увидеть весь этот домашний колорит. Банки эти бесконечные, потрескавшийся кафель в ванной, пыльные залежи старых шуб в шкафах. Мать начнет причитать, звать Олега сыночком и виснуть на шее вся в слезах.

Дину даже передернула, когда она представила эту картину. Нет уж, обойдутся без Олега. Денег он на похороны дал, чего еще желать? Кире теперь все равно, а она, Дина, не для того оберегала мужа от общения со своей семьей, чтобы сейчас все испортить.

Ничего, одним родственником на похоронах будет меньше. Хотя, если разобраться, какие Кира с Олегом родственники? Она их даже познакомить не успела.

Дина взглянула в зеркало и испугалась. На нее смотрела не молодая, немного загадочная женщина с выразительными темными глазами и красивым рисунком пухлых губ,

а циничная стерва с расчетливым взглядом. Глаза по-прежнему выделялись на бледном лице, но никакой загадки в них сейчас не было. Была усталость и желание побыстрее закончить с неприятными формальностями, уехать и забыть все как страшный сон. Снова убежать из дома без оглядки, теперь уже навсегда.

– А если бы на твои похороны не пускали родственников? – спросила она у своего отражения вслух. – Как бы тебе это понравилось?

Кира могла бы быть на ее похоронах. Но Киры не будет теперь уже никогда. Родители не вечные, уйдут гораздо раньше ее. Остается только муж. Вот его и надо беречь изо всех сил. Пусть работает, решает вопросы и не грузится похоронами свояченицы, теперь уже бывшей. Ни к чему это все.

– Прости меня, сестренка, – прошептала Дина, глядя в свое отражение с едва ощутимым страхом. – Прости, но так будет лучше для всех. И для тебя тоже.

* * *

Когда опускали гроб в могилу, вдруг поднялся ветер, сыпанул в лицо пылью. Небо как-то разом заволокло облаками и стало понятно, что хорошей погоды больше не будет. Побаловала и закончилась, все же не лето еще. А всего-то конец мая.

Тетки – материны многочисленные подружки, притащив-

шиеся, как они выразились, «разделить горе», а на самом деле мечтающие разузнать подробности и смерти, и несостоявшегося замужества с иностранцем – хором вскрикнули и загомонили, хоть и шепотом, но все равно для всех слышно. О том, что вот даже небо плачет по бедной девочке, что не будет теперь радости у родителей, как нет солнышка на небе.

Особенно старалась тетя Маша, соседка по даче.

– Ангела! Ангела хороним! – закричала она сорванным рыданиями голосом, и прижав полные руки к груди, подняла лицо к небу. – Вон как небушко по Кирочке плачет! Прими, господи, душу невинную!

Тетки зарыдали уже в голос, и Дина непроизвольно поморщилась. Все это выглядело, как плохой спектакль. Если бы не знала тетю Машу, подумала бы, что мать разорилась на наемную плакальщицу, но из всегдашней жадности выбрала ту, что подешевле. Хотелось побыстрее закончить весь этот балаган, да и голова вдруг разболелась, видно из-за перепада давления.

– Как же, плачет небушко, – услышала она вдруг справа за спиной насмешливый шепот. – Самоубийцу хоронят, как приличную, на кладбище со всеми. Даже в церкви отпевали. Говорят, от бабушки-то скрыли, что самоубийство это. Сказали, мол, оступилась девчонка на крыше да и упала. А он и поверил. А может, денег дали, так и отпел грешницу. Сейчас ведь и попы на деньги падкие, чистые иуды. Готовы

и Христа продать, если надо.

– Может все же не самоубийство? – спросил второй голос. Владелица его старалась говорить как можно тише, видно совестилась обсуждать такие вопросы над незакрытой еще могилой. – Может и правда оступилась? Мало ли. С любым может случиться.

– А зачем любому на крышу-то лезть? Вот вы, Ольга Леонидовна, разве полезете на крышу? Вот то-то и оно. Нечего там делать, если только греха не задумал. Самоубийца и есть, и никакими деньгами прощения у бога не выпросишь. Не примет ее к себе господь...

Дина почувствовала, что еще секунда, и она не выдержит – залепит этой шипящей святоше оплеуху. Может, хоть тогда немного отпустит?

Она шагнула к могиле, толкнув кого-то плечом, бросила горсть рыжей от глины земли на ярко-красную крышку гроба.

Темные комочки застучали по обтянутому атласом дереву, запрыгали горошинами. Почему-то захотелось бросить еще горсть, чтобы посмотреть, как они прыгают, обгоняя друг друга. И еще одну, и еще. Пока не скроется красная тряпка, слишком яркая для такого случая, под слоем земли, перемешанной с прошлогодними листьями и разрубленными лопатой корнями прошлогодней же травы.

Дина повернулась и нашла глазами ту, что шипела за спиной про грех и заплаченные попу деньги. Конечно, это ока-

залась Самойлова с первого этажа. Вроде, нестарая еще баба, чего же злая-то такая?

Дина подошла к ней вплотную и сказала, глядя в заметавшиеся глаза:

– Ее и так господь не принял бы. Она не крещеная была.

Не стала дожидаться, что ответит Самойлова – было противно слушать и смотреть по сторонам. И вообще находиться здесь стало вдруг противно до невозможности, и Дина медленно пошла к выходу с кладбища. Подождет всех у автобуса, теперь уже недолго осталось.

– Дина Владимировна, – раздалось за спиной так неожиданно, что она вздрогнула и похолодела неизвестно почему.

Обернувшись, увидела следователя, который допрашивал их всех и на месте, и потом в полиции. Откуда он здесь? Возле могилы она его не заметила.

– Вы когда домой уезжать собираетесь? – спросил он, поравнявшись.

Странно, что не озадачился хотя бы соблезнования выразить, как положено. Или у ментов так принято – плевать на чувства родственников с высокой колокольни?

– Завтра, наверно, – пожала она плечами.

– Я попрошу вас задержаться. Следствие еще не закончено, вы можете понадобиться в любой момент.

– Зачем? Я ведь уже все рассказала.

– Следствие не закончено, – повторил он с нажимом. – В деле еще очень много неясных моментов, так что, будьте

добры, поживите здесь, пока я вас не отпущу.

И опережая ее гневные возражения, добавил:

– Не хотелось бы брать с вас подписку о невыезде, и тем более, заключать под стражу. Так что давайте, Дина Владимировна, войдем в положение друг друга. Чтобы у меня не появились подозрения, что вы стремитесь поскорее уехать, чтобы скрыться от правосудия.

Дина смерила его гневным взглядом и пошла прочь, не прощавшись.

– Не слишком сурово я с ней, как думаете? – спросил Десяткин у возникшего рядом Захарова.

– Нормально. Бывает и хуже.

– Но все же горе у человека, сестру похоронила только что. И потом, формального права ее задерживать у меня ведь нет.

– Ничего, потерпит, – отмахнулся непримиримый Димыч. – Погорюет немного у нас на глазах. Из всей той теплой компании она одна может упорхнуть в любой момент. Представьте, если окажется, что она хоть как-то в смерти сестры замешана. Вы же себе первый локти кусать будете, если сейчас ее отпустите.

– Вы, Дмитрий Иванович, совсем на этой работе очерствели. Ведь это сестра погибшей, как-никак. У человека горе, а вы ее подозреваете. Какой смысл ей был убивать родного человека? К тому же, в вашу версию про Радова, который

подчищает концы, как вы выражаетесь, Дина Сергеева никак не вписывается. Во время налета на инкассаторов ее в городе не было. Она вообще в последний раз приезжала два года назад. В чем же ее подозревать? Какая ей выгода?

– Разберемся, – пообещал Димыч. – Может, как раз ей-то выгода и есть. Родственница все же, а значит наследница. Вы имуществом погибшей гражданки Листопад не интересовались еще?

– У гражданки Листопад, если помните, несовершеннолетний ребенок имеется. Его тоже прикажете подозревать, как основного наследника?

Димыч задумчиво почесал затылок, но так легко сдаваться не стал.

– А кто, кстати, опекуном у ребенка теперь будет, неизвестно?

* * *

Димыч раскладывал на столе протоколы допросов в каком-то хитром, одному ему ясном порядке. Хмурился, морщил лоб, перекладывал листы с места на место и менял их местами. Толик смотрел на эти манипуляции с интересом, но вопросов пока не задавал. Знал, что под руку к Захарову лучше не лезть. Сейчас сам все расскажет, минут через пять, максимум через десять.

– Чего ты сидишь просто так? – буркнул Димыч через три

с половиной минуты (Толик специально засекает время, чтобы проверить свои предположения). – Иди, помогай думать.

Толик выбрался из-за своего стола и подошел поближе к протокольному пасьянсу.

Теперь они смотрели на покрытую листами столешницу вдвоем. Молча и сосредоточенно. Как командиры на карту перед решающим сражением.

Толик не выдержал первым:

– Над чем думать-то? Ты где это взял?

– У Девяткина. Это материалы по самоубийству Киры Листопад.

– Он что, не закрыл его до сих пор?

– Пока нет. Я попросил, чтобы не закрывал сразу.

Толик уставился на товарища как на неведомую зверушку, неожиданно выскочившую под ноги во время лесной прогулки. Осмыслить, что капитан Захаров о чем-то просил ненавистного следователя, а тот к просьбе прислушался, так сразу не получалось. Не усваивалась эта абсурдная информация.

– Там же все ясно было с самого начала, – начал Толик осторожно. – Как это Девяткин согласился продлевать сроки по практически закрытому делу? Ты его пытал, что ли?

– Чего сразу пытал? Попросил по-человечески, он и вошел в положение.

– Девяткин? Вошел в положение?

Димыч пожал плечами и начал вчитываться в один из про-

токолов. Тот, что лежал ближе всего. Толик помотал головой, словно отгоняя навязчивые видения, и заявил:

– Так не бывает. Колись давай, что ты ему за это пообещал?

– Ничего я ему не обещал. Он же принципиальный, с ним в обмен на что-то сроду не договоришься.

– А как тогда?

– Лаской! – сообщил Димыч и скорчил такое благостное лицо, что Толик испугался не на шутку.

И даже подумал, что стоит, наверное, пойти проверить, как там следователь Девяткин? Все ли в порядке с ним после ласковых убеждений Димыча?

Потом подумал еще немного, и радостно хлопнул себя ладонью по лбу:

– Я понял! Ты их выкрал просто. Снял копии потихоньку, пока Девяткин отвлекся.

– Ничего подобного. Копии он мне сам снял, сам отдал. И даже пообещал всестороннюю поддержку, если что... Я не знаю, что с ним случилось, но он странный какой-то. Сам на себя не похож. Как будто нормальный человек.

Димыч сделал рукой приглашающий жест и показал на лежавшие перед ними протоколы.

– Вот смотри. На крыше в тот день, кроме погибшей Листопад, было шесть человек. Во-первых, ее сестра – Дина Владимировна Сергеева. Тридцать один год, замужем, постоянно проживает в Санкт-Петербурге, домохозяйка. При-

ехала, как утверждает, повидаться и попрощаться с сестрой.

– А почему попрощаться?

– Потому что Кира Листопад собиралась выйти замуж за гражданина Франции и переехать к мужу. В эту пятницу должна была улететь, у нее уже билет был куплен. Свадьба планировалась во Франции, родственники туда почему-то не приглашались.

– Почему?

– Дорого, скорее всего. Но нужно будет уточнить. У них вообще какие-то странные порядки в семье. Сестра эта, Дина, полгода назад замуж вышла, так тоже, говорят, никого из родни на свадьбе не было. И муж сюда не приезжал, с тещей и тестем не знакомился. Может, у них так принято?

Следующая – Марина Волошина, тридцать два года, не замужем, секретарь-референт в строительной фирме. Такая, помнишь, эффектная девица – волосы, ноги. Все при ней, одним словом. Бывшая одноклассница Дины, но дружила больше с Кирой. У них вообще компания была общая, как я понял.

Потом еще один одноклассник, на этот раз Киры. Глеб Зиновьев, тридцать четыре года, системный администратор. Это он в том здании работает, где все произошло. Его и идея была на крыше шашлыки жарить. С ним его девушка была – Светлана Василенко.

– Тоже чья-то одноклассница? – спросил слегка утомленный Толик.

– Нет, просто девушка. Двадцать восемь лет, продавец-консультант в магазине парфюмерии и косметики. Из сестер Листопад дружила только со старшей – Кирой. Младшую совсем не знала, увидела первый раз на тех самых злополучных шашлыках.

Остаются еще двое. Дмитрий Козин и Василий Киреев. Этих, кроме Зиновьева, вообще никто раньше не знал. Козин тоже системщик, они с Зиновьевым вместе работали раньше в другой фирме. А Киреев совсем недавно устроился на работу в соседний офис. В курилке познакомились.

– А кем устроился?

– Менеджером, Толик, менеджером. Кем же еще? Типичным представителем офисного планктона. Но вообще, Девяткин их по поводу работы особенно не допрашивал. Он ведь не знал, что нам это может пригодиться.

Толик снова посмотрел на приятеля с недоверием. Очень непривычно было слышать, как тот оправдывает Девяткина. Вслух ничего говорить не стал, решил, что в свое время все равно узнает, что за странные отношения возникли вдруг между прежними врагами.

Он еще раз пробежался глазами по листам, разложенным Димычем на столе, и взял в руки тот, что лежал ближе всех – протокол допроса менеджера Киреева.

– Ты что же, каждого из них подозреваешь в возможных отношениях с Радовым?

– Не каждого. Сестру, например, можно смело исключать.

Ее не было в городе ни в момент ограбления, ни после. Она первый раз за последние два года приехала. Даже если была знакома с Радовым раньше, вряд ли он к ней кинулся с предложением столкнуть родную сестру с крыши.

– Хорошо, сестру исключаем, – согласился Толик. – Тогда остаются пятеро. С кого начнем?

Глава 6

Май

Назначенное время наступило уже полчаса назад, и он начинал заметно нервничать. Схватил принесенный официанткой бокал с пивом, залпом осушил его почти наполовину.

Пиво было холодным, это обрадовало и хоть немного успокоило. Сгладило клокочущее внутри нетерпение.

Васька ткнул вилкой в кусок малосольной семги, запил рыбу большим глотком, со стуком поставил бокал на столешницу, проигнорировав картонный квадратик подставки.

«Вот все у вас как на параде» – вспомнилась фраза из знаменитого фильма. Все эти подставочки-салфеточки раздражали невероятно. Да еще закуски к пиву нормальной не было. Ни тебе сухариков, ни орешков. Гренки, жареный сыр да кальмары в кляре. Как это можно – жарить сыр, Васька представить не мог, а спросить постеснялся. Да и стоил этот сыр дороже шашлыка в кафешке в парке. Ну их к черту, с их меню!

Пришлось заказать рыбное ассорти, это он хоть представить мог.

И вот теперь глядел с тоской на художественно разложенные по тарелке ломтики семги и кижуча, украшенные тремя маслинками и кружком лимона, и подсчитывал в уме, сколько пакетиков желтого полосатика можно было взять на эти

деньги, если бы кое-кто не строил из себя эстета, и не забивал стрелки в пафосных заведениях.

Сам Васька предпочел бы встретиться в той же кафешке в парке. Или вообще на лавочке где-нибудь. Какая разница, где пиво пить и разговаривать? Но Дюк не любил такие места. Ему подавай, чтобы швейцар у входа, чтобы салфетки эти долбанные, чтобы еду несли по полчаса. Какая в этом радость?

Дюк появился, когда он уже допивал пиво из покрытого испариной бокала. Пришел, как ни в чем не бывало, будто и не опоздал почти на сорок минут, будто так и надо.

Остановился в дверях, обводя взглядом полупустой зал. Наконец увидел Ваську и, махнув рукой, пошел к его столику. По дороге еще тормознулся у стойки, сказал что-то бармену. Не заметно было, чтобы он сильно торопился.

– Сколько тебя ждать? – не выдержал Васька. – Договаривались в семь часов, а сейчас сколько?

– Ты торопишься куда-то? – лениво поинтересовался Дюк, опуская задницу на противоположный диванчик. – У тебя дела срочные?

Васька забарабанил пальцами по столу и нервно оглянулся на подошедшую официантку. Та поставила перед ними по бокалу пива, улыбнулась и отошла.

Дюк, словно издеваясь, продолжал молча лыбиться, разглядывая нервничающего Ваську. Не спеша отхлебнул пива, закурил, бросил сигаретную пачку на середину стола.

Васька перестал барабанить пальцами по столу и принялся выстукивать чечетку ногами.

– Чего ты нервничаешь? – сдался наконец Дюк. – Ничего страшного не произошло.

– Ты уверен? А я вот не очень. Меня сегодня следовательно два часа мурыжил. До каждого слова докапывался.

– Он всех мурыжит, не тебя одного. У него работа такая – вопросы задавать.

– Смотря какие вопросы. Знаешь, что он спрашивал? Когда я на работу устроился, сколько проработал, что в мои обязанности входит?

– Ну и что?

– Ты debil! – взорвался Васька. – Ты что, правда не понимаешь ничего? Или дурака включаешь специально? Нахрена ему про мою работу знать, если он только самоубийство расследует? Какая разница, когда я устроился? А он спрашивает. Вроде, незаметно так, между делом. Сначала откуда Киру знаю, да какие с ней отношения были, да не замечал ли чего необычного в поведении. А потом ни с того ни с сего: «А в фирме этой давно работаете?».

– Да он просто на реакцию твою смотрит. – Дюк лениво потянулся к бокалу, отпил немного, только губы помочил, поставил обратно с брезгливым выражением лица.

Относилась эта показная брезгливость к местному пиву, или к Васькиному поведению, сразу и не разберешь. Дюка вообще иногда понять сложно. То вроде нормальный мужик,

говорит понятно и не выделяется слишком. А то найдет на него что-то, сразу и взгляд высокомерный, и разговаривает через губу, будто одолжение делает. Не зря его на работе не любят – сам постоянно жалуется на дур из бухгалтерии, которые к нему якобы придираются и начальству жаловаться бегают.

Васька сейчас этих неведомых бухгалтерских дур очень понимал. Если Дюк на работе вот с такой физиономией ходит, то вообще удивительно, как ему до сих пор никто по роже не заехал. Может, у них там чисто женский коллектив? Или терпят, потому что считают этого придурка ценным специалистом? Знали бы они...

Вслух он ничего, конечно, не сказал. Подцепил вилкой два последних кусочка семги, и оба разом проглотил. Специально, чтобы Дюку не досталось. Может корчить из себя разочарованного местным сервисом эстета с полным основанием. Сам этот кабак выбрал, обижаться не на кого.

Васька запил рыбу, отставил почти пустой бокал в сторону и спросил, наклоняясь к Дюку через стол:

– Какую реакцию? Нафига ему моя реакция, если я просто свидетель? Ему должно все равно быть, какая там у меня реакция. А он спрашивает. Почему?

– Да мало ли! – пожал плечами слегка ошалевший от напора Дюк. – Может, по привычке ментовской. И не подозревает он тебя ни в чем, а на всякий случай спрашивает. Автоматом.

– А если подозревает? – перешел Васька на свистящий шепот. – Если как раз подозревает? Вдруг она рассказала кому-то, и менты про это узнали?

– Да нет, – ответил Дюк, чуть помедлив. Самую малость опоздал с ответом, но этой малости для Васьки оказалось вполне достаточно, чтобы укрепиться в своих опасениях и запаниковать уже всерьез. – Не могла она никому рассказать, не успела бы.

– Да чего тут успевать-то? Чтобы сболтнуть, много времени не надо.

– Нет, – замотал головой Дюк. – Если бы она тебя сдала, ты бы здесь сейчас не сидел. И следовательно с тобой бы сейчас по-другому разговаривал.

Эти его «тебя», «с тобой» резанули слух, и до Васьки дошло вдруг, что виноватым, если что, окажется он один. Дюк лихо открестился и от него, и от их общей затеи. А ведь если вспомнить, то и в самом деле Дюку бояться нечего. С Кирой он не разговаривал, даже не встречался ни разу, всегда Ваську посылал. А тот и шел, не задумываясь. Привык думать, что они с Дюком вместе, поэтому, когда разговаривал в тот раз с Кирой, говорил за двоих. А теперь что же, получается ему одному отдуваться, если что?

Да нет, не будет никакого «если что». Дюк прав: если бы она успела кому-нибудь проболтаться, их давно уже повязали бы. Или все же только его, Ваську?

Он посмотрел на расслабленного Дюка почти с ненави-

стью.

Дмитрий Козин – Дюк, как он сам себя называл еще со школы, чтобы опередить желающих придумать кличку по ненавистной фамилии – провожал взглядом лавирующего между столами приятеля, и до белых костяшек сжимал в кулаке пустую сигаретную пачку. То, что Васька заистерил на ровном месте, явилось для него полной неожиданностью. Даже после его звонка Дюк не поверил, что все настолько серьезно. Васька вообще любит преувеличивать и драматизировать. Любой водитель, не пропустивший его на переходе, сразу объявляется врагом рода человеческого. А уж если кто-то угораздило облить зазевавшегося Ваську водой из лужи – пиши пропало, Киреев будет бушевать дня два.

Поэтому его вопли о том, что следователь «все знает», или, по крайней мере, подозревает, не показались Дюку поначалу стоящими внимания. Решил, что Васька в своем репертуаре, делает вселенскую трагедию из пустяка. Но увидев взбудораженного приятеля воочию, Дюк понял, что дело плохо.

Васька нервничал по-настоящему. Испугал его следователь всерьез. Интересно, чем? Что такого он спросил, заставившего Ваську совсем потерять голову?

Конечно, смерть Киры случилась очень некстати. Сейчас, когда нервы и так на пределе, такое потрясение совсем ни к чему. Но не отменять же все в последний момент! Не бро-

сать же полугодовую подготовку только потому, что излишне нервной дамочке приспичило прыгнуть с крыши! Все уже на мази, осталась самая малость. И главное, если сейчас отменить, потом ни за что не удастся уговорить Ваську начать все заново. Он и так за эти полгода извел Дюка своими сомнениями и нытьем. «А вдруг не получится? А вдруг поймают? А вдруг узнает кто-нибудь?». Двадцать раз пожалел, что связался. Но без Васьки ничего бы не получилось, самому Дюку светиться было нельзя.

Как же не вовремя погибла Кира! Кто бы мог подумать, что Васька таким нежным окажется, занервничает? Казалось бы, кто она ему, чтобы так переживать?

Дюку вдруг стало очень холодно. Работающий в подвальнике кондиционер, казавшийся до этого спасением от изнуряющей майской жары, вдруг стал невыносимым. Куда же они его так гоняют, градусов пятнадцать всего, наверное.

Дюк комкал сигаретную пачку ледяными пальцами и заставлял себя думать, что пробивший внезапно озноб – это от кондиционера, а совсем не от пронзившей мозг ледяной иглой догадки.

Васька занервничал в ответ на невинный вопрос следователя о работе не просто так. Он побоялся, что следак уцепится за эту ниточку, и вытянет всю комбинацию, увяжет, чего доброго, со смертью Киры, так опрометчиво им отказавшей...

А так ли случайна была ее смерть? Очень уж вовремя ре-

шила покончить со всем дамочка, не отличавшаяся при жизни особой эмоциональностью.

Да-да! Ведь впечатлительной истеричкой Дюк называл ее мысленно. Чтобы убедить самого себя, что ничего опасного не произошло, просто трагическое стечение обстоятельств. Но слишком неожиданно упала Кира. И слишком нервничает Васька, слишком боится. И если перестать врать самому себе, то надо вспомнить, что самого Васьки в тот момент в поле зрения не было. Дюк хорошо помнил только Зиновьева, склонившегося над мангалом и ворчащего, что шашлыки поресохнут, если все будут бродить неизвестно где.

Васька «бродил неизвестно где», когда раздался короткий Кирин вскрик, а потом оказался рядом с упавшим телом раньше всех...

А сейчас распсиховался от обычного вопроса следователя...

Дюк закрыл глаза и, как в детстве, попросил тихим шепотом: «Пожалуйста, пусть это окажется неправдой!».

Глава 7

Март

– Кира Владимировна, вас спрашивают. – Дверь приоткрылась на пару секунд и тут же захлопнулась, не дав толком рассмотреть, кто крикнул на бегу про интересующегося посетителя.

Кира, вздохнув, поставила на стол только что налитую чашку чая, одернула блузку и вышла, задержавшись на секунду перед самой дверью. Наверняка «спрашивал» кто-то из возмущенных посетителей, а значит, нужно было приготовиться к слишком эмоциональной беседе.

Утихшая было головная боль снова толкнулась в висок сначала осторожно, а потом все смелее, осваиваясь надолго. Кира вдохнула два раза, глубоко, не торопясь, и, улыбнувшись, шагнула в операционный зал. Поискала глазами возмущенного клиента – обычно у нее сразу получалось выделить из толпы того, кто хочет во что бы то ни стало увидеть старшего кассира. По возмущенному лицу и излишне нервному поведению.

Сейчас таких в зале не было. Кира несколько раз прошлась взглядом по немногочисленным посетителям – никто не выказывал признаков нетерпения, и тем более, не возмущался вслух. Она уже хотела было спросить у администратора, кому понадобилась, и даже повернулась в сторону ад-

министраторской стойки, когда прямо над ухом прозвучал тихий голос, заставивший ее вздрогнуть:

– Привет!

Кира зажмурилась крепко-крепко, с отчаянной детской надеждой, что если зажмуриться, то все пройдет, повернулась, и только тогда осторожно открыла глаза.

Ничего не исчезло – Паша стоял перед ней, совсем близко, так что отчетливо слышался запах его одеколona. Цитрусовый, с легкой древесной ноткой, машинально отметила Кира. И тут же похвалила себя, что стоя так близко к нему, чувствует только запах, только парфюм, и ничего больше. Значит, не прошли даром эти почти шесть лет. Значит, получилось избавиться от той любви, как от изматывающей хронической болячки.

Она улыбнулась дежурной, «рабочей» улыбкой:

– Привет! Рада тебя видеть.

Сказала, и тут же поняла с ужасом, что правда рада. Рада изо всех сил, до пузырящегося, как шампанское, счастья. И сразу же, не давая опомниться, вернулась старательно забытая дрожь в кончиках пальцев, и холодок внутри, и слабость в коленках.

Не получилось. Не удалось избавиться и забыть – мучившая ее когда-то любовь никуда не пропала, просто притаилась глубоко, в самом потайном уголке души, чтобы возникнуть вдруг, спустя почти шесть лет, обрушиться на плечи камнепадом.

Кира улыбнулась еще раз, старательно растягивая губы.

Улыбка, надо думать, получилась жалкой. «Никого ты не обманешь, – мелькнуло вдруг в голове. – Ни его, ни себя». От мысли этой, такой простой и очевидной, стало совсем плохо. Она оглянулась затравленно, будто ища спасения у людей в зале.

Никому не было до нее дела, у всех свои заботы. Впрочем, нет. Кое-кто наблюдал за ними с интересом. Из крайней консультантской кабинки, навалившись внушительной грудью на стол, выглядывала Татьяна – первая сплетница, и к тому же известная фантазерка.

Паша оглянулся вслед за Кирой, усмехнулся, встретившись взглядом с ничуть не смутившейся Татьяной, и предложил:

– Давай на улице поговорим?

Кира метнулась одеться, ругая себя за то, что снова бездумно исполняет любую его идею. Хотя, что тут такого уж противоестественного? Она и сама собиралась предложить уйти куда-нибудь, подальше от любопытных глаз. Паша просто успел сказать раньше.

Она накинула пальто, несколько раз глубоко вдохнула и медленно выдохнула, пытаясь унять колотившееся сердце. Ничего особенного не происходит, просто зашел старый знакомый. Да-да, именно так: просто старый знакомый. Давно уже пора перестать вскидываться, как девочка, при каждом телефонном звонке...

Шапку надеть не стала, подумала, что в крайнем случае накинёт капюшон. Да и не собирается она долго стоять на улице, работу никто не отменял. Поговорит немного ни о чем, перебросится парой дежурных фраз – «Как жизнь?», «Как дела?» – и вернется. К работе и к привычной жизни. Не нужны ей большие никакие страсти и волнения. И Паши ей больше не нужен. Надо об этом все время себе напоминать.

Паши направился было к выходу, но она придержала его осторожно за локоть и кивнула вглубь зала, в сторону служебного входа. Стоять на парадном крыльце, на глазах у охраны и посетителей, совсем не хотелось.

Двор колодцем выглядел темным и мрачным. По крайней мере робкое мартовское солнце его, в отличие от проспекта, не заливало. Возле самой двери вольготно раскинулась никогда не просыхающая лужа, по краям покрытая причудливыми ледяными обломками. На противоположной стороне, почти у самого забора, Кира заметила освещенный солнцем пятачок, и, ни слова не говоря, направилась туда. Почему-то казалось, что там будет гораздо теплее.

Они остановились друг против друга (Паши подошел совсем близко, так что она снова почувствовала древесную нотку сквозь плотную завесу цитруса), недалеко от въездных ворот, рядом с будкой охраны. Охранник скользнул по ним ленивым взглядом, но ничего не сказал. Ему не интересны были те, кто выходил из банка. Его работа была проверять тех, кто въезжает снаружи.

Кира так старалась, чтобы Паша не догадался о переполняющей ее радости, что совсем не слышала, что он говорил. Просто смотрела, не отрываясь. Старалась сохранить «нейтральное» выражение лица.

Получалось плохо. Лицо-предатель так и норовило распухнуть в дурацкую гримасу счастья. Кира прикусила нижнюю губу и попыталась сосредоточиться на разговоре.

Разговора, впрочем, тоже не получалось. Паша сначала спрашивал что-то, но поняв, что ответов все равно не дожидается, бросил это дело и смотрел на нее молча, согревая ледяную Кирину ладошку в руках.

Ворота с шумом разъехались, впуская во двор инкассаторский броневичок. Кира машинально оглянулась на него, совсем несерьезный, игрушечный, с виду. Это была одна из двух новых машин, недавно купленных. С виду совсем малютка, а на самом деле...

Водитель подъехал к самому входу, сдал назад так, чтобы боковая дверца броневичка оказалась напротив входной двери. Как будто не во дворе родного банка был, а в тылу врага, в любую минуту готовый к неприятностям.

Из машины выбрались двое инкассаторов. Первый нес в каждой руке по два почти полных мешка. Второй шел налегке: открыл входную дверь, аккуратно прикрыл дверь в машине. Кира вдруг представила, что водитель кричит там внутри как маришутчик: «Не хлопай, не холодильник!», и тихонько рассмеялась.

Инкассатор, шедший вторым, выглянул на ее хихиканье, и его широкое усатое лицо расплылось в улыбке.

– Здравствуй, Кирочка! – Дядька скользнул по Паше быстрым цепким взглядом и снова улыбнулся Кире, как родной. – На солнышке греешься?

Она рассмеялась уже в открытую, замотала головой сначала «нет-нет», потом, спохватившись, кивнула «да-да», потом запуталась окончательно и посмотрела на Пашу, ища поддержки.

Он посмотрел на нее внимательно, как раньше, и сильнее стиснул ладонь.

*** * ***

Май

Опрос свидетеля Зиновьева оказался тяжелее земляных работ.

По крайней мере, выглядели Димыч с Толиком так, будто перевыполнили норму по трудодням и вообще по всему, чему только можно. Вот только радости от этого не испытывали никакой. Не говоря уже про моральное удовлетворение.

Свидетель Зиновьев сидел посреди кабинета на стуле, вытянув ноги в растоптанных кроссовках аж до Димычева стола, руки держал на коленях, смотрел прямо перед собой – в мутноватое стекло окна, до сих пор не раскупоренного с зимы. Смотрел внимательно, не отрываясь и ни на что больше

взгляда не переводя. Димыч даже оглянулся пару раз, вдруг там, за окном, есть что-то, чего он не замечал все это время. Ничего там не было интересного, за мутным, не очень чистым стеклом. А Зиновьев этот, похоже, со странностями просто. Уставился в одну точку, и даже, кажется, не мигает. Может, он наркоман вообще? Как бы так уговорить Девяткина направить его на медицинское освидетельствование?

Зиновьев моргнул, прогоняя окутавший всех морок и разбивая Димычевы абсурдные мечты. Никакого направления Девяткин, естественно, не выпишет, это же свидетель, а не подозреваемый. Да тут и без медиков понятно, что не наркоман он, а обычный тормоз. Человек с замедленными реакциями.

Зиновьев оторвался наконец от окна и перевел отсутствующий взгляд на сидящего напротив капитана Захарова. Димыч поежился и подумал, что лучше бы этот чудак и дальше в окно пялился, чем вот так. Неуютно ему было под этим сонным, ничего не выражающим взглядом.

А самое обидное, что и толку от почти часовой беседы не было никакого. На вопросы Зиновьев, конечно, отвечал – куда ему деваться, здесь и не такие на вопросы отвечали – но ответы эти по ценности можно было смело приравнять к молчанию. Ничего он толком не видел, кто куда в какое время отходил, не замечал, о чем разговаривали вокруг, не помнил. Такое впечатление, что если бы его к трупу вплотную не подвели, он бы так и не понял, что совсем ря-

дом человек погиб.

– Как это может быть, что вы все время на крыше были, но ничего не помните? – не сдавался так просто Толик. – Ведь вокруг вас люди были. Или не было никого?

– Я шашлыки жарил, – пожал плечами Зиновьев, – по сторонам не смотрел.

– Но хоть людей-то вокруг видели?

– Людей видел.

– Кого именно?

Зиновьев повернул голову и посмотрел на Толика со слабым интересом. Потом улыбнулся правой стороной рта и добросовестно перечислил:

– Светку видел, Маринку, Дину. Еще Димку Козина и этого парня нового, Ваську.

– И что, все рядом находились? Никто никуда не отходил?

– Почему? Отходили. Потом возвращались.

Толик обессилено уронил голову на скрещенные руки.

Зиновьев снова пожал плечами, и отвернулся от выжатого досуха опера. Снова уставился в окно за спиной капитана Захарова.

– Киру давно знал? – спросил Димыч тихо.

Зиновьев вздрогнул и перевел вполне осмысленный взгляд с окна на Димыча.

– Всю жизнь. Мы с первого класса вместе учились.

– А потом, после школы?

– И потом тоже. Она дружить умела, это редкость. Такими

людьми не бросаются.

Зиновьев снова отвернулся и задрал голову в потолок. Видно, потолок ему показался интереснее пейзажа за грязным окном. Димыч посмотрел на него свирепым взглядом, надеясь вернуть к разговору, но вдруг заметил, что свидетель не просто так в потолок таращится, а пытается таким наивным способом скрыть слезы. От неожиданности Димыч, повидавший в своем кабинете всякого, на секунду опешил и молча уставился на Зиновьева, оказавшегося таким сентиментальным.

Или просто нормальным человеком? Подумалось вдруг, что из всей теплой компании, собравшейся в прошлую пятницу на шашлыки, только этот тормозной парень переживает смерть школьной подруги по-настоящему, искренне. Остальные или на публику работали в безудержных рыданиях напоказ, или явно старались не сболтнуть лишнего.

– Радова давно видел?

Этот вопрос выдернул свидетеля из нирваны, даже какой-то интерес во взгляде появился. Или показалось?

– А кто это?

– Павел Радов.

– Павлик, что ли? – Уточнил Зиновьев с усмешкой. И тут же пояснил: – Это он себя так называл, как напьется. Трезвый, вроде, нормальный мужик, а как выпьет, так начинает: «Павлику надо то, Павлик хочет это...». Как избалованный ребенок. Да и вел себя так же, если честно. Чего

в нем Кириушка тогда нашла, не понимаю.

Зиновьев снова пожал плечами и скорчил брезгливую физиономию.

– Так когда видел этого Павлика в последний раз? – не сдавался так просто Димыч.

– Давно. С тех пор, как они с Кирой расстались, так и не видел больше. Мы и встречались-то только в компаниях. Куда Киру звали, там и он оказывался, конечно. Куда уж без него? Лет пять не видел или шесть, не помню точно.

– А из-за чего расстались?

– Да не помню я! – устало отмахнулся Зиновьев. – Я вообще за Павликом не следил особо. Что есть он, что нет, мне без разницы. Вы лучше у Светки моей спросите, она в курсе всех этих душевных терзаний.

– Светка – это Светлана Василенко? Твоя девушка?

– Ну да.

– А она откуда Радова знает?

– Ну так она ведь моя девушка, – Зиновьев уставился на Димыча с искренним удивлением. – Оттуда и знает.

– А вы со Светланой сколько уже знакомы? Близко знакомы, я имею в виду.

Вопрос, похоже, озадачил Зиновьева всерьез. Он шевелил губами, подсчитывая в уме.

– Да лет восемь, наверно. Или семь. Я не помню точно, вы лучше у Светки спросите.

Толик не выдержал, поднялся из-за стола, и обошел во-

круг, остановившись аккуратно напротив диковинного свидетеля.

– Слушай, а почему вы до сих пор не поженились, – спросил он с искренним интересом. – Восемь лет срок немалый. Уже давно можно было понять, подходите вы друг другу или нет. Чего тянете-то?

Зиновьев снова пожал плечами. Лицо у него было при этом такое, словно мысль узаконить отношения никогда не приходила ему в голову.

Когда за свидетелем закрылась дверь, Толик не выдержал.

– Вот скажи ты мне, как знаток человек! Он в самом деле такой придурок или прикидывался? Как можно быть таким не любопытным, а? Ну как?

– Ну может, ему люди не интересны в принципе. Ему компьютеров хватает. Он за восемь лет не догадался, что девушка замуж хочет, а ты еще какого-то любопытства от него ждешь.

Толик хмыкнул недоверчиво и предположил:

– Может, она и не хочет за такого замуж.

– А это мы у нее самой спросим. Пора встречаться со свидетельницей Василенко. Судя по всему, она нам много чего сможет рассказать.

Глава 8

Май

Петька ныл тоненько и однообразно. Сначала это Дину страшно раздражало, но через час примерно перестало мешать. Слилось с окружающими бытовыми звуками. Неужели он так и ноет все время? Как Кира это выдерживала? Или он у нее не ныл? Может, он как раз из-за Киры скулит третий час подряд? Хотя, судя по реакции матери – дело это привычное. Никто Петьку утешать не бросался, все копошились по мелочи, переключивали что-то, переставляли. Отец затеял разбирать кладовку, переключивал там какие-то коробки, серые от пыли и времени. Зачем? Толку от этих переключиваний все равно нет никакого, в тесную клетушку кладовки не пробраться уже несколько лет. Можно только приоткрыть дверь, сунуть очередной сверток и быстро захлопнуть обратно, не давая вывалиться предыдущему хламу.

Нет никакого смысла в переключивании старья с места на место. И в неторопливом копошении тоже никакого смысла нет. Да и вообще, не может быть в этой квартире никакого смысла – это Дина поняла очень давно. Ни смысла, ни перспектив, ни возможности для простого человеческого счастья. Только полная кладовка ненужного барахла.

Чтобы как-то занять себя и отвлечься от монотонного Петькиного нытья и отцовского шебуршания, Дина закрыла

поплотнее дверь Кириной комнаты, в которой жила с самого своего приезда, сначала деля ее с сестрой, а теперь полноценной хозяйкой. Села за стол, включила компьютер.

Заставкой на мониторе стояла Петькина фотография. Сколько ему там было лет, не понятно, но разница с теперешним Петькой если и есть, то совсем небольшая. Надо же, сестру он совсем не раздражал, как видно.

Петька на фотографии традиционно не улыбался, смотрел сосредоточенно. Дине показалось на минуту, что смотрит он на нее с монитора каким-то слишком взрослым взглядом. Осуждающим даже.

Чтобы избавиться от этого чувства, она щелкнула быстрее по первому же значку на экране. В развернувшейся окошке ничего особенного не было. «Мои документы», «мои игры», «мои фото» – Кира за оригинальностью не гналась, и папки не переименовывала. Что дали – тому и рада. В этом сестра оставалась неизменна, сколько Дина себя помнила. Всегда соглашалась на то, что ей предлагали. Неважно кто: родители или судьба. Со всем соглашалась и благодарила, как положено воспитанной девочке. Небось, и Петьку принимала с благодарностью, рохля несчастная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.